

Эпизод 17

Отражение

(Дождь)

Я спасся...

...в каком-то смысле.

Моя квартира больше не моя. От моих пожитков ничего не осталось. Полагаю, любые другие вещи или знакомые, что я в какой-то период времени мог назвать своими, тоже перешли моему преемнику.

Я слышу его из просветов, ведущих за границы темноты моего застенка, как он настойчиво зовёт своих детей и остроумно препирается со своей супругой.

Они все кажутся такими счастливыми.

Кажется, у него это получается в разы лучше, чем у меня.

Но с его стороны было очень глупо объявлять о своих планах вслух здесь, в Эскью, потому что я услышал, как он отвечал на жалобы на жуткий скрежет из-за стен сначала отрицанием, затем скептицизмом, и наконец ворчливым согласием вызвать дезинсекторов.

К моменту их приезда, ещё до того, как они успели поставить свои полиэтиленовые стенки, чтобы замуровать меня внутри, до того, как в тёмные и тесные проходы, где я расположился, пустили шипящий газ, я нашёл выход. Отодрал доски, проскрёбся наружу через шпаклёвку, юркнул в спальню, а оттуда в коридор, который совсем не узнал, прошмыгнул между их ног, пока они вскрикивали и пытались меня ударить, а их пестицидные маски, напоминающие морды муравьедов, яростно блестели на свету. Я выскочил в открытое окно, сполз вниз по стене и скрылся на улицах Эскью.

* * *

Когда я ещё был ребёнком и жил в Лондоне, по дороге в школу я проходил мимо старого, заброшенного церковного кладбища. От него остались лишь низкая каменная ограда и поросший травой участок с замшелыми камнями и

памятниками, зажатый со всех сторон между террасами. Чистое, пустое и спокойное место.

В дальнем конце кладбища за углом здания самой часовни скрывался большой вытянутый монумент, почти что саркофаг, посвящённый памяти давно стёршегося имени. И в тени за этим монументом было прохладно и можно было укрыться от ветра и дождя.

"Если всё пойдёт под откос, — говорил я себе, — если у меня не останется дома, если мне некуда будет пойти, я приду сюда, займу это тайное место позади саркофага и снова буду в безопасности".

Здесь в Эскью всё не так просто.

Мне кажется, я не могу найти обратную дорогу ни к чему вообще.

Я, должно быть, пытался добраться до квартиры Аллегры пешком уже несколько сотен раз. Шёл, опираясь на знакомые ориентиры, бесконечно повторял название улицы себе под нос, чтоб его не забыть.

Но все излюбленные мной ранее места, места, где меня знали, похоже, уже находятся не совсем там, где я думал. Улицы поворачивают в новых направлениях, наполняются незнакомыми знаками, и магазинами, и лицами, что никогда меня не видели, с каждым моим шагом.

Такси отказываются меня подбирать. Карты оказываются совсем не точными, либо их надписи, сделанные аляповатыми шрифтами, превращаются во фразы и оскорбления, выражающие сомнения в моей адекватности.

И каждый уголок, где можно было бы скоротать вечер, на который я натыкаюсь, каждый сантиметр свободного места между этими возвышающимися стенами из безжалостного бетона, кирпича и стекла уже заполнен телами.

Или... не телами. Полагаю, необязательно телами.

Плотные куртки, шапки с помпонами и спальники в окружении развалин жизни, в которой нет дома. Они никогда не поворачиваются ко мне лицом. Что бы ни крылось под всем этим... оно постепенно угасает, ворочается, продолжая беспокойно спать, но если я подойду слишком близко и пробормочу:

"Извините..."

И ещё раз:

"Извините..."

То тогда куртка начинает просыпаться, и шевелиться, и из-под ее стёганой поверхности показывается рука, ещё одна рука сонно тянет вниз вязаную шапку, и вдруг из-под куртки тянется уже слишком много рук, грязных и истощённых, согнутых в локтях, но тянущихся всё дальше и дальше, словно лапки косиножки, идущей по потолку спальни, готовящейся схватить меня —

Но, по крайней мере, еды тут хватает.

У ресторанов, магазинов и отелей стоят мусорные контейнеры, набитые неоткрытыми упаковками печенья, выброшенными консервами, целыми курицами-гриль, кожа которых облеплена кучей другого мусора.

Я не понимаю, зачем город производит так много, только чтобы потом всё это выбросить; возможно, среди горожан есть те, кто ест, только когда на них кто-то смотрит.

Эта небрежность мне только на руку, потому что жители Эскью редко опускают на меня взгляд, чтобы бросить несколько монет в мой пластиковый стаканчик.

Иногда прохожие подают мне милостыню, даже когда я упорно их игнорирую, отказываюсь смотреть вверх, думать о них, проклиная их всех.

А иногда никто из них не взглянет на меня, даже когда я умоляю их, пожалуйста, помочь мне, подсказать мне дорогу, или дать позвонить с их телефона, или подсказать, где найти помощь.

Меня пугает не это непостоянство, а чувство невесомости, ощущение того, что, что бы я ни делал и ни говорил, я уже больше не смогу оказать никак значимого влияния на мир прохожих этого тротуара.

Но даже если у вас получится найти себе пустой уголок на ночь и чем перекусить, укрыться от ветра и дождя под возвышающимися башнями небоскрёбов и надземных переходов, тянущихся над каждой улицей... ну, вам всё ещё придётся беспокоиться о людях, что приходят вдвоём.

Иногда они одеты в полицейскую форму и появляются из потрёпанных эсковианских автомобилей.

Иногда они, спотыкаясь, идут вдоль по улице поздней ночью или ранним утром, громко хохочут при виде вас, подходят вплотную и кричат прямо в лицо, пока вам не приходится признать, что да, они вас разбудили, вы знаете, какие они высокие и сильные и как ничтожны вы, просто пыль у них под ногами, и они плещут вам водкой в лицо, если вы не успеете ответить достаточно быстро или будете смотреть на них слишком пристально.

Каждый раз они надевают разные лица, искривлённые усмешками, или рассеянно пьяные, или отстранённо-любопытные, но их пинки по вашим рёбрам будут одинаково болезненными.

Я смутно помню, что когда я ещё жил в своей квартире, у меня были средства, чтобы разобраться с такими проблемами; деньги, и телефоны, и кредитки. Ключи, открывающие дверь в любое цивилизованное общество.

Надеюсь, Эскью передал их кому-то, кто в них нуждался.

Сейчас в моих карманах пусто. Это тоже своего рода груз.

Сегодня люди, что приходят вдвоём, одеты в форму, их жестокость законна, и они неумолимы в своей погоне. Слыша их приближающиеся шаги, я выхожу из своего укрытия и, спотыкаясь, двигаюсь дальше по улице, сталкиваюсь с прохожими, пока они лениво идут позади меня нога в ногу, выкрикивая:

"Не задерживаемся. Не задерживаемся".

Я заворачиваю за углы, избегаю и спускаясь по витым лестницам. Я поворачиваю назад, нащупывая дорогу в полной темноте невозможно узких закоулков.

Но полицейские всё ещё преследуют меня, всегда лишь немного позади, их смех струится ручьём, и они продолжают кричать:

"Не задерживаемся. Не задерживаемся".

"Они загонят меня в реку, — думаю я с внезапным страхом, — Они последуют за мной напрямиком в море".

Эта улочка испещрена отверстиями: небольшими каменными арками, обрамляющими элегантные деревянные двери.

Я проскальзываю в одну из них. Дёргаю за ручку.

Двигаюсь к следующей. Дёргаю за следующую ручку.

Здесь должно найтись хоть что-то, иначе просто быть не может. В этом богомерзком городе, который заманил меня в себя двенадцать лет назад, должно найтись место, что меня примет, что впустит меня —

— но и третья ручка не поддаётся, как и четвёртая, а двое полицейских всё приближаются и приближаются.

Я бросаюсь к пятой двери, хватаюсь за скрытую в тени ручку — и ощущаю что-то такое ужасно неправильное, такое совершенно чуждое, что тут же отстраняюсь от неё с отвращением, прежде чем понимаю, на что смотрю.

Это не ручка, это рука.

Резная деревянная рука, пальцы которой протянуты вперёд, словно для рукопожатия.

Но она поддаётся, когда я на неё нажимаю, и дверь открывается нараспашку, проваливаясь в скрывавшуюся за ней темноту.

Где угодно будет лучше, чем здесь.

Вот, что я говорил себе, когда впервые остался без крыши над головой — хотя в тот раз это было по моей воле.

Я вхожу в тёмное помещение и закрываю эту странную дверь за собой.

* * *

Первое, что меня удивляет, это то, что тут есть свет.

Мягкий, лучистый синий свет, нисходящий по кругу сквозь стеклянный купол потолка, озаряющий поднимающиеся в воздух молчаливые круговороты пыли.

Второе, что меня удивляет — это марионетки на полках.

Деревянные марионетки, их руки-палки безвольно свисают от их плеч, их ноги-палки болтаются на таких же палочных туловищах. Их головы тоже могли бы быть просто палками, если бы на них не было этих мерзких маленьких лиц.

Здесь есть марионетки-полицейские, и марионетки-врачи, и марионетки-военные, и марионетки-балерины, и марионетки-дети, над которыми нависают невозможно длинные недовольные марионетки, марионетки на любой вкус, целый город марионеток, полный зрительный зал марионеток.

Я уже видел их раньше в туристических и сувенирных магазинах. Должно быть, они связаны с какой-то местной традицией или народной легендой, потому что иначе я не могу представить, почему они вообще существуют и зачем кому-то их покупать.

Они грубые, и страшные, и дурачки выглядят, их маленькие лица искажены в гримасах, на них надеты одинаковые маленькие костюмчики, их глаза — это просто пятна белой краски, а зрачки — пятна чёрной поверх них.

Они не смотрят на меня, потому что они на это неспособны, они настолько искусственные, фальшивые и уродливые, что их глаза ясно кажутся мне вовсе не глазами, а чем-то ещё.

Я слышу голоса за дверью. Меня всё ещё преследуют.

Я спешу дальше, прохожу мимо возвышающихся полок с марионетками и глубже в магазин игрушек.

* * *

Забравшись куда-то за ряды полок, полных настораживающе-резных деревянных лошадок и плюшевых собак с бешеными глазами, сидящих на задних лапах, я начинаю смотреть на своё положение в новом свете.

Теперь я оказался хоть где-то. Где-то, где есть стены, крыша и правила.

Возможно, они захотят нанять помощника. Я мог бы продавать этих ужасных марионеток, обмениваться любезностями с родителями, трепать по волосам предположительно очаровательных детей, которые будут приходить сюда в поисках игрушек. Возможно, это тот самый момент, когда я найду себе место.

Я подхожу к прилавку — и замираю.

За прилавком, держа руки по швам и устремив взгляд на горы игрушек, стоит человек, лицо которого полностью скрыто тенями. У него есть длинная, густая и

угловатая борода, как у настоящего гусара, словно он попал сюда из другого времени.

Я отшатываюсь назад — а затем неловко говорю что-то напоминающее "Здравствуйте", — но он не отвечает.

Я пробую снова, на этот раз зайдя с "Я просто искал, где бы укрыться от холода и дождя", — но он не обращает на меня внимания.

Возможно, он уже вызвал полицию.

Я говорю ему, что могу заплатить, что у меня в жизни просто наступила чёрная полоса и я почти не спал последние несколько ночей, что мне нужно просто выспаться, поесть и собраться с мыслями, чтобы связаться Аллегрой или своими работодателями, если пойму, куда подевались все офисы компании, что я могу всё исправить.

Я говорю, что ему необязательно меня игнорировать, он мог бы хотя бы иметь приличие посмотреть мне в глаза.

Я говорю ему, что он бессердечный человек, жестокий и неразумный человек, сам находящийся в безопасности и комфорте, при этом игнорирующий мою боль.

Я говорю ему катиться к чёрту и бросаюсь вперёд, через прилавок, чтобы схватить его за его гусарскую бороду — и когда она оказывается в моих руках, его голова отрывается вместе с ней.

Мне кажется, я взвизгиваю.

Огромная марионетка продолжает свой танец, всё ещё раскачиваясь после моего нападения, её деревянные конечности побрякивают, ударяясь о деревянное тело.

Я бросаю бородатую маску на прилавок и начинаю слегка взволнованно смеяться над собственной глупостью.

Несколько секунд спустя я замолкаю — потому что входная дверь магазина только что хлопнула, и теперь я слышу, как эхом раздаются голоса двоих полицейских.

Должно быть, они услышали меня.

За прилавком я вижу открытый проход, а за ним лестницу, ведущую вверх.

Я как можно осторожнее обхожу деревянную стойку, проскльзываю мимо огромной марионетки-солдатика и начинаю подниматься.

* * *

Наверху не оказывается ни кровати, ни бойлера или санузла, никаких признаков того, что здесь, собственно, кто-то жил.

Только голые стены и пустые деревянные полы, которые настораживающе поскрипывают с каждым шагом, который я делаю, проходя по коридорам.

В дальнем конце самой дальней комнаты я вдруг захожу в тупик.

Я стою в пустом помещении без окон, это даже комнатой не назвать.

У дальней стены стоит зеркало.

Не в углу, не прикручено к самой стене, но просто прислонено к ней, словно его оставили на полпути к какому-то другому месту и так никогда и не забрали.

Я замираю перед ним в неуверенности, не зная, куда мне бежать отсюда.

Моё отражение тоже замирает.

Мы встревоженно смотрим друг на друга.

Совершенно естественно иметь определённую степень недоверия к собственному отражению. Испытывать какое-то заговорщическое чувство, когда смотришь на своё ухмыляющееся лицо, но помимо него — лёгкое подозрение, что ваша другая половина может улыбаться по своим причинам, совершенно отличным от ваших.

Но, смотря в зеркало в пустой комнате над магазином игрушек, я этого не чувствую.

Я чувствую... отстранённость.

Я чувствую... отстранённость.

Силуэт в зеркале кажется совсем не похожим на меня.

Он усохший. Сгорбленный. Его руки вцепились в собственную драную куртку, словно когти, словно они пытаются не дать всему, что кроется под ней — подкладке из газет, кишкам, и тому подобному — вывалиться наружу.

Какое-то время мы настороженно наблюдаем друг за другом, а затем отворачиваемся.

Силуэт в зеркале совсем не похож на меня. Он осунувшийся, худой, его скулы выступают сквозь бледную кожу лица. Его глаза смотрят вперёд так, будто он уже сдался.

Его голова втянута в сутулые плечи, скрытые драной курткой, что создаёт впечатление, что он выше, чем я есть на самом деле, возвышается далеко над полом, почти доставая макушкой до потолка.

Какое-то время мы настороженно смотрим друг на друга, а затем отворачиваемся.

Как странно, если подумать.

Но, с другой стороны, я нахожу, что в такие моменты лучше не думать вообще.

Как странно, если подумать.

Странно быть в сознании, я имею в виду.

Мне кажется, я никогда не думаю.

Я словно бы никогда не осознаю, что этот город представляет из себя на самом деле. Его истинное лицо.

Я мог бы стать чем-то гораздо большим, если бы всего лишь позволил себе изменяться вместе с ним.

Спускаясь по лестнице, летя по залам и коридорам, изменяясь, я слышу —

Я слышу голоса полицейских где-то подо мной.

Раздаётся грохот, словно они копаются в марионетках, сталкивают те маленькие ужасы с полок в попытках найти меня.

Я не совсем уверен, что произойдёт, когда они поймают меня в этот раз. Я же проник на частную собственность.

Возможно, в этот раз мне не удастся отделаться парой пинков по рёбрам, несколькими оскорблениями и приказом убираться отсюда.

Может, они отведут меня в старый полицейский участок, что в квартале Ангела. Возбудят против меня дело. Посадят в камеру к другим людям, которых отверг этот город.

Может, они разрешат мне сделать звонок. Это было бы неплохо. Не знаю, что Аллегра подумает обо всём этом, если узнает.

Или город уже успел забрать у меня и её?

*— голоса полицейских где-то подо мной, пока я тонкой плёнкой пристал к
стеклянному потолку.*

*Они не замечают, как я спускаюсь, края моей куртки вздымаются, мой рот
открывается всё шире и шире. Они такие маленькие, такие хрупкие.*

Не представляю, почему я вообще их боялся.

Снизу доносится шум. Резкий вдох, а затем более громкий звук, будто что-то упало на пол.

Что-то рвётся, будто бы простыню раздирают надвое.

Я слушаю и слушаю дальше, но это всё.

*Это всё. Всё всего лишь плоть, а плоть — это глина, а глина — это форма, а
форма может лишь измениться или сломаться.*

*Мои пальцы разрывают их, словно клочки ткани. Они не кричат. Они
принимают свою перемену, когда начинают меняться.*

Я жду ещё немного, а потом, по ощущениям, ещё целый час, но слышу только полную тишину и больше ничего.

Нет спасения, нет другого варианта: я медленно спускаюсь обратно по лестнице в магазин игрушек, чтобы посмотреть, свободен ли мой путь к отступлению.

Моих преследователей нигде не видно.

Полки были разгромлены, деревянные марионетки беспомощно болтаются в воздухе или валяются на полу.

В самом центре комнаты есть что-то странное.

Две марионетки были сломаны.

Нити, что скрепляли их хрупкие деревянные конечности, были обрезаны или разорваны. Части их тел, отличающихся друг от друга, были аккуратно выложены в замысловатом порядке из ног, затем головы, затем рук, затем туловища.

Они обе раскрашены под полицейских.

Мне вдруг становится очень неудобно.

Дверь, ведущая обратно на улицу, всё ещё широко открыта.

Я разворачиваюсь и бегу, пока моя тень пляшет позади меня в свете этого странного магазина.

Не полицейские — больше нет. Не люди — больше нет.

Всё можно перестроить. Всему можно дать новое предназначение, новые кости, новую форму.

Мы с моей тенью сбегает в город вместе.

* * *

После той ночи никто больше не тревожит меня, пока я пытаюсь поспать на улице.

Сон перестал быть необходимостью после той ночи.

Какое приятное чувство, быть свободным от таких вещей. Избавиться от ограничений разума, и формы, и животных нужд.

Быть единым с городом.

Вместо этого случается что-то другое.

Для меня не редкость очнуться ото сна под железнодорожным мостом или в каком-то укромном закоулке ещё перед рассветом и обнаружить лежащую передо мной, словно подношение, очередную сломанную марионетку.

Или даже две, все части которых будут перемешаны и перестроены.

Полицейские. Бизнес-леди. Дети.

Выражения их лиц зачастую на удивление удручённые, их рты обозначены всего лишь недовольными перевёрнутыми дужками улыбок, а их глаза — слишком широко раскрыты, или иногда отсутствуют вовсе.

Но теперь больше никто не подходит и чтобы протянуть мне немного мелочи или бутерброд.

Никто больше не обращает на меня внимания.

Газеты рассказывают о совершенно ином мире: политических скандалах, спортивных матчах, каких-то загадочных новых случаях исчезновений людей, которые ходят сомнительным закоулкам или задерживаются на улице допоздна за выпивкой.

Это всё неважно. Это всё не имеет значения.

Всё это станет набивкой в моих рукавах и под подкладкой моей куртки, в носках моих ботинок, сохраняя драгоценное тепло, пока дождь не промочит её насквозь, и она не заплесневеет, и не растает, словно кожа, и мне не придётся заменить её.

Что ж, это тоже перемена. Перемены — это единственное, что Эскью всегда преподносит мне.

Что ж, это тоже перемена. И чем бы мы стали без перемен?

*Я упиваюсь каждым новым сломанным телом, которое разбираю на части. Я
пляшу и парю в ночи, над крышами, под улицами, нахожу новые формы и
разбираю их, собираю вместе новые кусочки.*

Я не боюсь города. Тени приобретают облик только под определённым углом, и этот мир всегда был лишь миром теней.

Ну, до скорого.

Ну, до скорого.